

УДК 82.091 : 82–131

СЮЖЕТНЫЕ АНАЛОГИИ ТАТАРСКОГО ЭПОСА “ИДЕГЕЙ” И КЫРГЫЗСКОГО ЭПОСА “МАНАС”

А.Р. Галимова

Показана взаимосвязь между татарским эпосом “Идегей” и кыргызским эпосом “Манас” на уровне сюжетных мотивов и системы символов.

Ключевые слова: татарский эпос; кыргызский эпос; фольклор; народное творчество; жанр; эпические сказания; системы персонажей; эпические имена; лиро-эпический жанр; прообраз; эпические традиции; волшебные животные; эпические мотивы; этнокультурные связи.

SUBJECT ANALOGIES THE TATAR EPIC “IDEGEI” AND THE KYRGYZ EPIC “MANAS”

A.R. Galimova

The article shows the relationship between the Tatar epic poem "Idegei" and Kyrgyz epic poem "Manas" on the level of plot motifs and the system of characters.

Keywords: the Tatar epic; the Kyrgyz epic; folklore; folk art; genre; epics; character system; epic name; lyric-epic genre; prototype of; epic tradition; magic animals; epic motives; ethno-cultural ties.

Многие жанры фольклора являются интернациональными, они встречаются в народном творчестве ряда различных народов. К такому виду жанров можно отнести и жанр народного эпоса.

Народный эпос в фольклоре любого народа по праву считается важнейшим жанром. И это не случайно: эпос выражает точку зрения народа на исторические события, содержит в себе элементы национального быта, морали и идеологии.

Эпос “Манас” для кыргызов в условиях отсутствия письменности являлся инструментом хранения и передачи народного опыта. Грандиозный объем этого произведения народного творчества объясняется не только древностью его происхождения, но также и включением в его состав различных “бродячих сюжетов” Средней Азии. К числу таких переходящих мотивов можно отнести сюжеты, связанные с эпохой нашествия монголов, а если быть точнее, то с эпохой Ногайской Орды, кочевого государства, появившегося в результате распада Золотой Орды, в междуречье Волги и Урала в конце XIV – начале XV вв.

“Как известно, Ногайская Орда получила свое название от всемогущего золотоордынского правителя и временщика при нескольких ханах Ногая (убит в 1300). Но только при потомках эмира Едигея, в XV –XVI вв., в особенности же после паде-

ния Золотой Орды (1480), с последней четверти XV до последней четверти XVI в., Ногайская орда, объединившая в своем составе тюркские кочевые племена в западной части “кыпчакских степей”, до границ Москвы и Крыма, играла важную политическую роль в борьбе между Москвой, Казанью, Астраханью и Крымом и в судьбах всех тюркских кочевых племен Средней Азии и Юго-Западной Сибири”[1, с.75].

Именно в эту пору, по мнению В.М. Жирмунского, эпические сказания, связанные с историей Ногайской Орды, получают широчайшее распространение среди тюркских народов Средней Азии и Сибири, входят как органическая часть в состав эпических преданий казахов и находят частично отражение в кыргызской эпопее “Манас”.

Эпос “Идегей” является общим для ряда народов: волжских и крымских татар, казахов, каракалпаков, башкир и др. Предметом анализа данной статьи выбрана татарская версия этого эпоса “Идегей”, которая, на наш взгляд, обнаруживает множественные сюжетные и ономастические аналогии с кыргызским эпосом “Манас”.

Эти перемены заметны уже в самом начале текстов татарского и кыргызского эпоса:

В стародавние времена,
Там, где была нугаев страна,

А предком Нугая был Татар.
Там, где стольный Сарай стоял.
Там, где вольный Идиль бежал.
Там, где город Булгар блистал,
Там, где текла Яика вода,
Там, где была Золотая Орда.
Там, где жили кыпчак и булгар
Ханствовал над страню татар
Хан по имени Токтамыш.

В эпосе “Манас” по варианту С. Орозбакова также говорится о том, что деда Манаса звали Ногой, который в свою очередь был сыном Кегея: “Ногойдон төрт уул болгон: Орозду, Үсөн, Бай, Жакып” [2, с. 12].

Многочисленные аналогии двух эпосов обнаруживаются на уровне системы персонажей. В эпосах “Идегей” и “Манас” можно найти большое количество общих эпических имен.

Так, например, имя жены Манаса Каныкей, в татарском эпосе Ханеке, является дочерью золотоордынского хана Токтамыша. Нужно сказать, что это женское имя очень популярно в татарском фольклоре, и обычно используется для обозначения девушек, попавших в плен или отданных насильно замуж. Так, например, в эпосе “Идегей” Каныкей и Таныкей являются дочерьми хана Токтамыша и попадают в плен к Идигею после победы над их отцом; по распространенному обычаю они становятся женами победителя. Героиня по имени Ханэкэ фигурирует и в татарском лиро-эпическом жанре баит “Баит Ханэкэ-султан” [3, с. 53], который, по мнению исследователя Ф. Урманче, мог появиться примерно в XV–XVI вв.

В кыргызском эпосе “Манас” Каныкей, рожденная под именем Санирабига, является дочерью Темир Хана, прообразом которого, вероятно, был великий завоеватель Тамерлан. Согласно эпосу “Идегей”, Темир Шах был противником хана Токтамыша и союзником богатыря Идегея.

Литературовед В. Жирмунский также указывает на общность эпических имен двух эпосов: “Форма имени свидетельствует об общем источнике и снова указывает на связь между кыргызским и татарско-ногайским эпосом, сложившуюся в XV–XVI вв.

В современном кыргызском эпосе Темир утерял всякую связь со своим историческим прототипом, кроме имени: известно, что Орозбаков считал эпического героя Темира и знаменитого завоевателя Тимура разными лицами. У Каралаева историческое имя Ша-Темир, утратившее свое значение, заменено сказочным Кара-хан” [1, с. 76].

Персидские исторические источники подтверждают факт захвата Идигеем одной из дочерей Токтамыша, от которой он имел сына, выда-

чи этого сына и его матери в качестве заложников потребовал впоследствии от старика Едигея сын Токтамыша, Джелал-ад-дин. В казахско-татарском переводе “Истории монголов” Рашид-ад-дина (“Сборник летописей”, около 1600 г.) сообщается и имя этой дочери Токтамыша: в издании проф. И. Березина – Джаныкей (вероятно, неправильно прочитано вместо Ханькей. Тем самым имя это должно считать если не историческим, то во всяком случае засвидетельствованным в традиции, близкой к событиям конца XVI в. В казахском эпосе имена Каныкей и Таныкей стали традиционными именами для дочерей вражеского (обычно калмыцкого) хана, которые становятся добычей казахского богатыря, героя сказания” [1, с. 75].

Указанные факты опровергают распространенное мнение о полной изолированности “Манаса” и кыргызского эпоса от среднеазиатских эпических традиций. Напротив, обилие общих эпических имен, в значительной части исторических, свидетельствует об общих исторических судьбах среднеазиатских народов (в особенности киргизов и казахов) и о живом взаимодействии их эпического творчества. Это взаимодействие относится, очевидно, к тьянь-шаньскому периоду истории киргизов, более точно – к периоду XV–XVIII вв.: оно позволяет выделить среднеазиатский по преимуществу исторический слой кыргызской эпопеи.

Эпические аналогии касаются и волшебных животных. Так, например, коня сына Идигея Нурадына зовут Сарала, так же как и коня богатыря Алманбета в эпосе “Манас”. Причем описание внешнего вида коня Нурадына напоминает описание богатырского коня Манаса Аккулы.

Также интересно, что при походе на хана Токтамыша Идегей окружает себя 40 воинами, Манас в свою очередь в “Великом походе” опирается на силу своих 40 чоро.

Сына справа поставил он,
Сорок слева поставил он
Воинов, подчиненных ему,
Устремился в ночную тьму.

Также в эпосе “Идегей” есть персонаж по имени Алман-бий, властитель аланов, который сражался на стороне Токтамыша. В эпосе “Манас” одного из ближайших соратников Манаса зовут Алманбет. Однако если в эпосе “Идегей” этот персонаж является эпизодическим, в эпосе “Манас” Алманбет является одним из ключевых персонажей прославленной дружины богатыря Манаса.

В составе дружины хана Темира, по эпосу “Идегей”, находится именитый бий Кыйгырчак, в эпосе “Манас” в варианте Каралаева также есть персонаж по имени Кыргызчал, старший из чоро

Манаса, который переходит на сторону отрицательных персонажей Абыке и Кёбёша.

Как отмечает, В.М. Жирмунский, среди сорока дружинников Манаса в варианте Радлова упоминается имя Кен-Джанбая сына Канана. В эпосе “Идегей” Джанбай бий – один из приближенных хана Токтамышша. Ему в татарском эпосе отводится довольно значительная роль. Он является одним из самых ярких отрицательных персонажей, он подстрекатель, интриган и виновник разногласий Идегея с сыном.

Еще один персонаж является общим для татарско-ногайского и кыргызского эпосов. Это образ богатыря по имени Кулчур в “Идегее”. Здесь он является стариком, который возглавлял 40 пленников великана Кара-Тиина. В кыргызском эпосе Кульчоро – это сын Алманбета и лучший друг богатыря Семетея, который к концу поэмы “Семетей” был искалечен Канчоро и отдан в рабство. Кстати, само имя Кульчоро можно трактовать двояко: либо цвет дружины, как говорится в варианте С.Караллаева (гуль (цветок)+чоро (дружинник), либо как дружинник, оказавшийся в рабстве (кул (раб)+чоро (дружинник)).

Был старик среди сорока,

Назывался Кулчурой [4, с. 91].

Интересны аналогии эпических мотивов на уровне сюжета двух эпосов. Одним из таких общих мотивов является мотив подмены младенца. Обратимся к сюжету Семетея, где говорится о том, что после смерти богатыря Манаса его сводные братья Абыке и Кёбёш хотят убить новорожденного Семетея. Каныкей для того, чтобы спасти жизнь своему ребенку, подкладывает в колыбель Семетея ребенка рабыни и когда враги приходят в юрту Каныкей, они изрубают на куски совсем другого младенца. В эпосе “Идегей” также встречается мотив подмены младенца. Так, разгневанный хан Токтамыш приказывает убить своего сокольничего Кутлукьюю его малолетнего сына Кубугыла. Однако хан Джантимир, вассал Токтамышша и друг Кутлукьюи, в колыбель подложил своего шестого сына вместо Идегея. Таким образом, был убит совершенно другой ребенок, а сына Кутлукьюи Джантимир положил в голенище сапога и унес с собой. Отсюда имя главного героя Идегей (с татарского “итек” переводится как сапог), т. е. имя Идегей означает ребенка, который был унесен в сапоге.

Второй общий мотив, сюжетно связанный с предыдущим, мотив сокрытия истинного происхождения героя. Так, Семетей в кыргызском эпосе, по варианту С. Каралаева, спасенный от преследования врагов, живет в царстве Темирхана, считая себя сыном Исмаила, брата Каныкей. Идегей в татарском эпосе также не знает о своем происхожде-

нии до 15 лет. Будучи сыном Кутлукьюи, которого в гневе казнил хан Токтамыш, он живет в семье Джантимира и называет себя Кубугылом.

Следующий мотив, плавно вытекающий из предыдущего, – мотив разоблачения, узнавания героя, который объединяет сюжет “Семетея” и “Сейтека” с сюжетом эпоса “Идегей”. Согласно тексту “Семетея” до 12 лет герой не знает о своем происхождении и только после совершения своего первого подвига, узнает о том, кем он на самом деле является от угольщика Сары Таза. Подобный мотив прослеживается и в сюжете “Сейтека”, в котором главный герой до определенного времени считается сыном хана Кыяза. Идегей в татарском эпосе до появления при дворе хана Токтамышша также считает себя сыном Джантимира и называет себя именем Кубугыл, пока хан Токтамыш по научению своей жены не позовет 195-летнего старца по имени Субра, который прилюдно на пиру, также как и старец Дувана в “Сейтеке” не провозглашит о настоящем происхождении героя.

Необычайно созвучно перекликается и идейное содержание эпосов “Семетей” и “Идегей”. Основной идеей, общей для двух эпосов, является идея осуждения междоусобных распрей. На уровне сюжета, как в эпосе об Идегее, так и в поэме о Семетее, показаны все губительные последствия внутренних конфликтов. Семетей трагически пал в непосильной борьбе с вассальными ханами и родственниками, народ попадает в лапы хана узурпатора по имени Канчоро, для кыргызов наступает безрадостная пора лишений. Итогом становится распад и ослабление кыргызского государства. В эпосе об Идегее показан раскол в орде Токтамышша и отделение от него Идегея, а в финале поэмы главный герой ссорится с собственным сыном.

Историческим обоснованием появления подобных идей в “Семетее” является период, к которому относится сложение эпоса о Семетее. По мнению В. Жирмунского, это время распада патриархально-родовых связей и относительной слабости кыргызских племен в XVII–XVIII вв., в период Джунгарского нашествия.

В эпосе об Идегее отражен исторический период распада государства Золотая Орда вследствие междоусобиц и внутренних конфликтов в конце XV в.

Вопрос о возникновении подобных аналогий является чрезвычайно многогранным и интересным. Исследователь И. Молдобаев предполагает, что “истоки такой генетической общности берут начало от одних и тех же племен, обитавших в Прииртышье, северо-западной Монголии, затем на просторах Дона, Дешти-Кыпчака и Средней Азии. В какой-то мере это предположение

подтверждается наличием у кыргызов предания о братьях Ногое и Шигае, которые переселились в Чуйскую долину современного Кыргызстана из районов Южной Сибири и Алтая.

Само по себе народное предание о Ногое и Шигае интересно в том плане, что в народной памяти сохранилась история передвижения определенной части кыргызов из Саяно-Алтая. Подобные предания бытуют и у народов Саяно-Алтая. В целом предания о передвижении кыргызов сохранились почти у всех тюркских народов Сибири. С другой стороны, “на народные предания могли наслоиться новые события, связанные уже с личностью другого Ногая, темника Берке-хана” [5, с. 185], что в свою очередь подтверждается найденными нами аналогиями в тексте двух вышеназванных эпосов.

Возможно, за общностью сюжетов и персонажей стоит отражение истории кыргызов в составе Ногайской Орды и других ханств. По мнению отдельных исследователей, Ногайская Орда в этническом плане была довольно неоднородной. В ее состав входили, в том числе и современные татары, казахи, а также народы, которые впоследствии вошли в состав племенных союзов кыргызов. Так, например, кыпчаки, команы, они же и половцы, которые за всю историю своего существования имели обширные этно-культурные связи как с кыргы-

зами, еще с Алтайского периода, так и с народами, проживавшими на территории России, в том числе входили в состав Золотой Орды. Возможно, благодаря их устным эпическим сказаниям, появились аналогии в сюжетной структуре кыргызского эпоса “Манас” и эпоса “Идегей”, сюжет которого является общим для многих тюркоязычных народов России и Средней Азии.

Таким образом, можно предположить, что кыргызский эпос “Манас” в художественной форме отразил эпоху существования Золотой Орды и события, связанные с ее распадом. Все эти факты опровергают гипотезы некоторых исследователей об изолированном развитии эпоса “Манас” и отсутствии связей с другими народами.

Литература

1. *Жирмунский В.М.* Тюркский героический эпос / В.М. Жирмунский. Л.: Наука, 1974.
2. Манас: киргизский героический эпос. Кн.1. М.: Глав. ред. Вост. Лит., 1984.
3. *Урманче Ф.* Лиро-эпос татар Среднего Поволжья / Ф. Урманче. Казань: Тат. книж. издат., 2002.
4. Идегей: татарский народный эпос. Казань: Тат. книж. издат., 1990.
5. *Молдобаев И.Б.* “Манас” – историко-культурный памятник кыргызов / И.Б. Молдобаев. Бишкек: Кыргызстан, 1995.